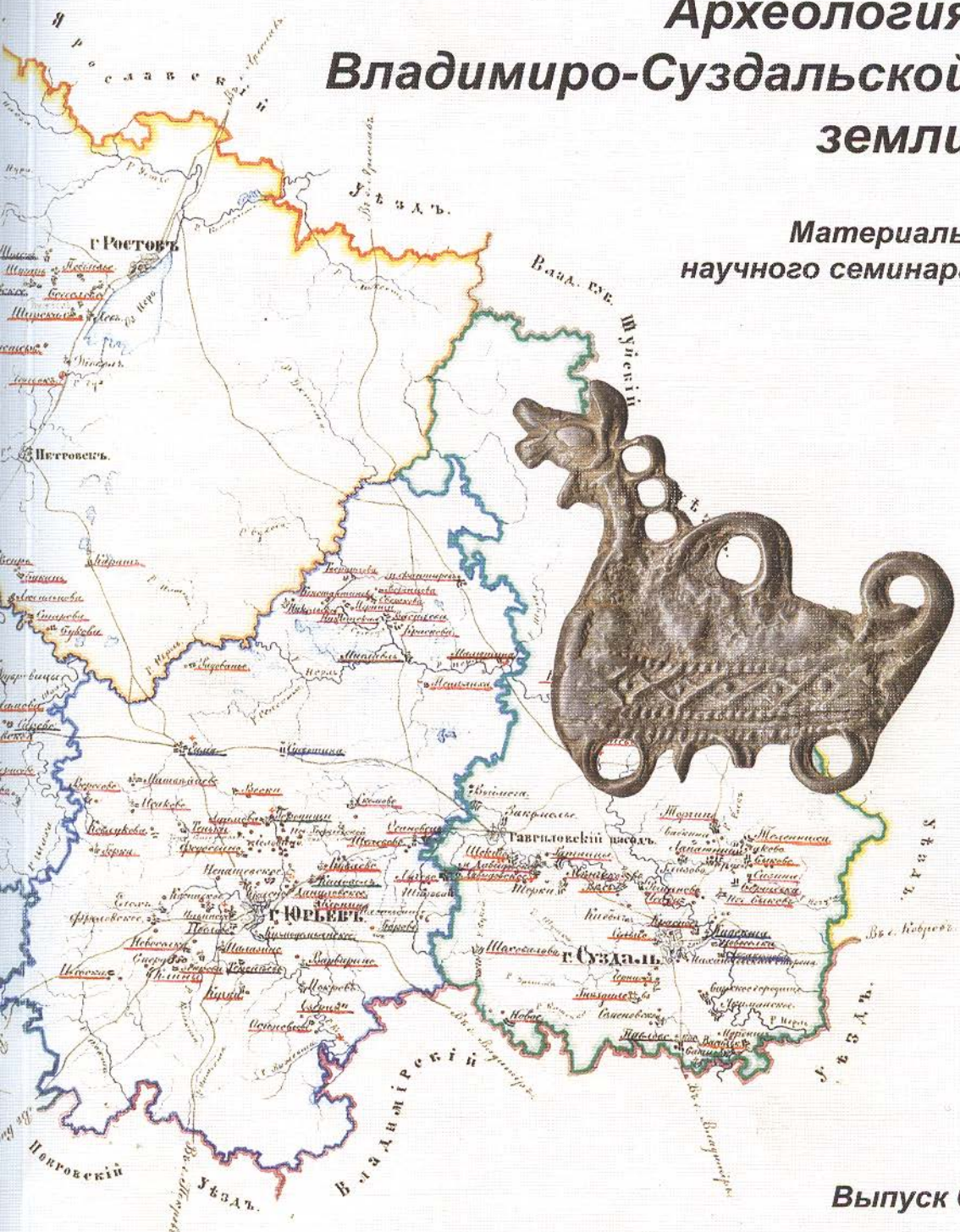
Археология Владимиро-Суздальской земли

Материалы научного семинара



Выпуск 6

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
*Н.А. Макаров (*ответственный редактор)
С.В. Шполянский (составитель),
М.Е. Родина, И.Е. Зайцева

А87 Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров; Сост. С.В. Шполянский, М.: ИА РАН; 2016. – Вып. 6. – 352 с.

ISBN 978-5-94375-209-4

В сборнике публикуются материалы 6-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», проводившегося в 2015 г. в форме конференции «Святые князья Борис и Глеб в русской истории и культуре. Новое в изучении археологических древностей и художественных памятников XI–XII вв.» (Владимир, 25–26 мая 2015 г.), приуроченной к 1000-летию первых русских святых. Традиционно в сборнике публикуются результаты новейших археологических работ в регионе: исследования территорий исторических городов, средневековых сельских поселений и погребальных памятников, освещаются некоторые общие вопросы изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-209-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2016
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимирско-Суздальский музей-заповедник, 2016
© Авторы статей, 2016

С.В. Томсинский

ЕЩЕ РАЗ О ПОСТРОЙКАХ СЕЛИЩ ТИМЕРЕВО И ГНЕЗДИЛОВО И «ПОВОЛХОВСКОМ ТИПЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА»

Любая реконструкция построек по остаткам, зафиксированным в процессе археологических исследований – даже дескриптивная, тем более графическая или объемная – создает устойчивую иллюзию проникновения в отдаленное и недавнее прошлое, создает тот самый *образ* прошлого, ради которого, собственно (а не ради «широких» и «узких» хронологий и пространных классификаций тех или иных древностей) и работают археологи. Разумеется, в полной мере это относится и к нашим давним, относящимся еще к самому началу научной деятельности, реконструкциям сооружений Тимеревского поселения, исследовавшегося в 1973–1977 гг. И.В. Дубовым. Две небольшие статьи, опубликованные в 1982 г., и доклад на секторе ЛОИА АН СССР, в которых мы пытались систематизировать данные об остатках сооружений, обнаруженных на этом памятнике, и удостоились резкой критики Е.Н. Носова (*Томсинский,* 1982а; *Томсинский,* 1982б).

Уже тогда нам было непонятно, как непонятно и до сих пор, на каком, собственно, основании можно критиковать реконструкцию амбара на столбе по одной самой глубокой столбовой яме – и уверенно реконструировать постройки на поселениях северо-запада Восточной Европы конца I тыс. н.э. как многовенечные срубные сооружения, если на исследованных памятниках сохранились только нижние венцы? Разумеется, этот «контраргумент» был откровенно слабым – однако именно рассуждения в этом направлении неожиданно удержали меня тогда от дальнейшей полемики с Е.Н. Носовым. Посему осталось без ответа и повторение критики в монографии Е.Н. Носова, посвященной материалам раскопок Рюрикова городища. (*Носов,* 1990. С. 114, 143). Тем более что и для нас собственно тимеревская тема потеряла актуальность. Вряд ли мы бы и вернулись к этой теме, если бы В.А. Лапшин не напомнил мне о ней, рассуждая об остатках построек селища Гнездилово, поскольку уважаемый Владимир Анатольевич de facto присоединился к уважаемому Евгению Николаевичу в критике наших давних реконструкций (*Лапшин,* 2015).

Защищать свои выводы спустя 30 лет несколько неловко, но отказ от защиты в данном случае был бы расценен как признание правоты оппонентов, а признать их правыми мы все же никак не можем. Хотя нет и оснований отрицать свои очевидные ошибки. Мне остается только поблагодарить В.А. Лапшина, предоставившего мне возможность еще раз высказаться по этому вопросу – возвращение «на круги своя» бывает сколь неизбежно, столь и полезно.

Возвращаясь к проблеме реконструкции некоторых построек Тимерева и соотнесения последних с остатками построек селища Гнездилово и других синхронных памятников на территории лесной зоны Восточной Европы, уместно напомнить, что остатки построек, зафиксированные на селищах с распаханным культурным слоем относительно небольшой мощности, по вполне понятным причинам признаются более сложными для интерпретаций, чем остатки построек из хорошо сохраняющих органику антропогенных отложений древнерусских городов. Более того, далеко не всегда исследователи могут однозначно установить, можно ли признать обнаруженные в ходе раскопок ямы различной глубины и конфигурации именно остатками построек. Разумеется, сейчас эти сложности реконструкций остатков сооружений по материалам раскопок осознаются нами отчетливей, чем в 1982 г., тем более что на Тимеревском поселении культурный слой оказался распаханным на всю глубину залегания, до материка. От некоторых выводов, представляющихся сейчас, в новых контекстах изучения материалов раскопок средневековых селищ, слишком поспешными, нам остается только отказаться – причем без особых сожалений. Однако мы и по сей день убеждены, что данная в 1982 г. общая характеристика застройки Тимеревского поселения по материалам раскопок 1974–1976 гг. не нуждается в коррективах: «Для Тимеревского поселения характерна свободная застройка, но здесь наряду с обычными срубными домами (остатки одного из них, как упоминалось выше, были обнаружены) существовали и узкие длинные постройки с углубленным входом, и постройки с входом-коридором, и амбары на столбе, и различные шалаши и навесы, и конические чумообразные постройки» (*Томсинский,* 1982б. С. 191). Единственное исправление, которое все же необходимо внести в этот текст спустя 32 года: когда был составлен сводный план тимеревских раскопов 1974–1976 гг. (уже после публикаций 1982 г.), стало очевидно, что застройка поселения все же была не «свободной», а приречно-рядовой.

Напомним, о каких именно «постройках с входом-коридором», «чумообразных постройках» и «амбарах на столбе» шла речь.

Наиболее выразительным оказался комплекс из трех ям – № 29, 29а и 30, исследованных в 1975 г. Яма № 29 имела размеры 5,0×1,8×0,5 м; в яме зафиксированы 5 столбовых ямок, скорее всего, от воткнутых вертикально толстых жердей, конструктивное назначение которых не устанавливается. От этой ямы под тупым углом отходило ответвление размерами 7,0×1×0,3м. Никакой другой реконструкции, кроме предложенной мной в 1982 г., для этого сооружения предложить просто невозможно – здесь вариативность предположений сводится к минимуму: речь идет о длинном узком сооружении с углубленным «входом-коридором», перекрытым, скорее всего, простейшей двухскатной кровлей, – в противном случае по этому «желобу» атмосферные осадки свободно стекали бы

в котлован постройки. Наличие низких срубных стен – также не просто догадка: я ссылался на основательное исследование А.А. Шенникова, показавшего широкое распространение у разных народов лесной зоны Восточной Европы «утепленных шалашей» именно такой конструкции (*Шенников,* 1997. С. 45–67) Настаивать на этом предположении со стопроцентной уверенностью, разумеется, нельзя – это *гипотетическая реконструкция*, т.е. *недостоверное знание* об отдаленном прошлом, но и опровергать его достаточно сложно.

Единый комплекс с ямой № 29 образовывали ямы № 29а и 30, интерпретированные мной соответственно как остатки небольшого сооружения с двухскатной кровлей (что, разумеется, небесспорно) и остатки конического чумообразного шалаша с центральным столбом (что не вызывает никаких сомнений). Так и появилась графическая реконструкция этих сооружений, на которую мы бы, наверное, сейчас не рискнули (слишком много осталось за непреодолимым порогом познания), но и отрекаться от которой не видим ровным счетом никаких оснований *(Томсинский,* 1982б. С. 190) (рис. 1).

Вопрос о назначении этих построек не имеет однозначного ответа, поскольку в материалах раскопок на сей счет не обнаруживается никаких достоверных данных, а поиски близких аналогий пока не дали положительных результатов. Можно лишь утверждать, что перед нами остатки скорее хозяйственных построек, чем даже самых примитивных жилищ. Может быть, уместно напомнить о близких по размерам длинных узких ямах, но без узкого длинного входа-коридора (что, впрочем, не столь и существенно), зафиксированных И.И. Ляпушкиным на поселениях салтовской культуры и вполне убедительно, на наш взгляд, интерпретированных как остатки овчарен. Не исключено, что и тимеревское сооружение предназначалось для зимнего содержания, например, молодняка домашних животных. Однако это предположение подтвердить пока нечем. Несомненно одно: все три постройки образовывали небольшой «дворик», видимо, замкнутый плетнем, от которого сохранилась только одна ямка, пробившая распаханные антропогенные отложения до материка.

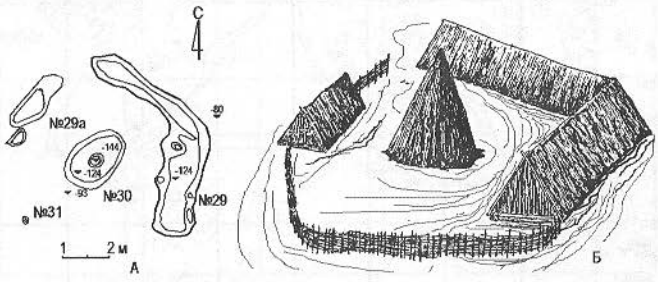


Рис. 1. Тимеревское селище. 1975 г. Ямы № 29, 29а и 30. Котлованы и гипотетическая реконструкция комплекса сооружений.

Сложнее обстоит дело с двумя другими комплексами, отнесенными мной в 1982 г. к тому же типу, что и постройка, остатками которой оказалась яма № 29, с очевидной натяжкой. Яма № 25, 1975 г. – это, собственно, две большие ямы, общими размерами 9,25×1,5×0,5 м и 7,0×1,0×0,25 м, примыкающие одна к другой под прямым углом; в одной из ям зафиксирован развал обожженных камней и глины (*Томсинский,* 1982б. С. 190). Яма № 24, 1975 г. – это также две ямы, причем внушительных размеров: 8,0×2,3×0,2 м и 8,5×2,4×0,3 м. Ямы также смыкаются почти под прямым углом, причем в одной из них зафиксированы неясного назначения столбовые ямки (рис. 2) (*Томсинский,* 1982б:191).

Камень преткновения в интерпретации этих ям – их примыкание почти под прямым углом, а не под тупым, как в яме № 29. Такая Г-образная конфигурация комплекса порождает соблазн заподозрить в данном случае «недокоп». Доказать таковой невозможно, но достаточно именно подозрения. Тогда мы продолжим линии контура – и увидим прямоугольную постройку весьма внушительных размеров: 8×8 м или 9×7 м, с пониженным до 0,3–0,5 м уровнем пола. Однако утверждаясь в ничем не подкрепленных, кроме желания видеть везде прямоуголь-

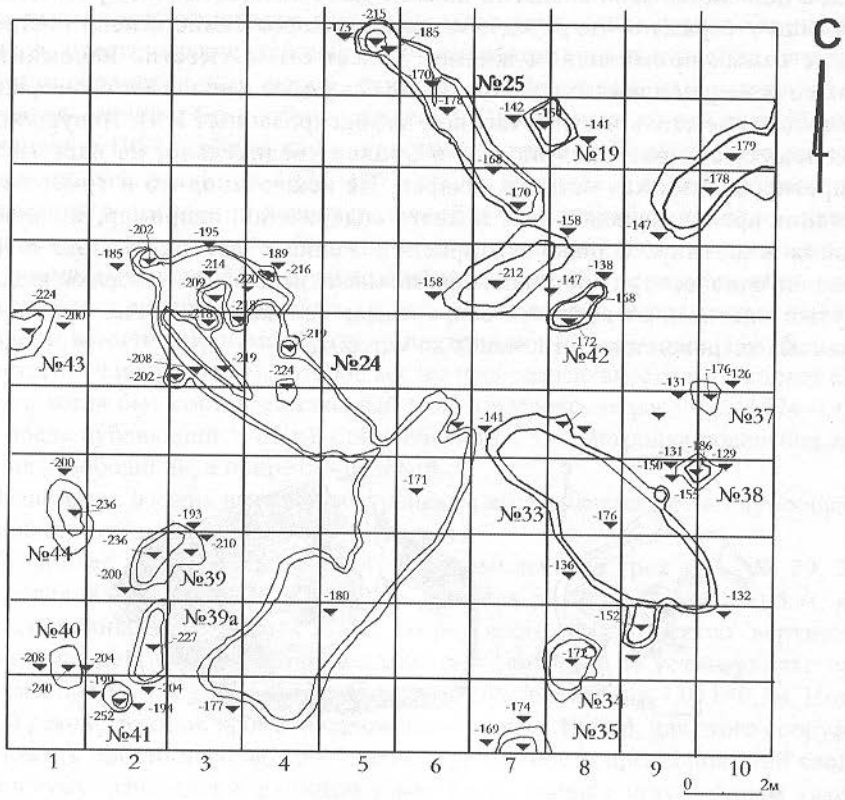


Рис. 2. Тимеревское селище. 1975 г. Ямы № 25 и 24.

ные в плане сооружения, подозрениях в «недокопе», нам пришлось бы объяснить и процесс засыпки или заплывания ямы: почему более темное заполнение должно было обозначить именно зафиксированный в процессе раскопок Г-образный контур? Очевидно, предположение о «недокопе» все же придется оставить и признать, что перед нами Г-образные в плане комплексы ям. Остатки построек или все же канавы, выкопанные с неизвестной нам целью? Неясно, хотя нам все же кажется, что остатки построек, как и яма № 29 – однако реконструировать эти сооружения мы сейчас не рискнем.

Обратимся теперь к амбару на столбе. Остатками этого сооружения мы признавали и признаем самую крупную столбовую яму на поселении, воронкообразного профиля с плоским дном, общими размерами 2,03×1,94×1,1 м. Параметры ямы определенно свидетельствуют о том, что она предназначалась для тщательно вкопанного одиночного и очень толстого столба (рис. 3а). Эта яма определенно не связана ни с зафиксированными поблизости ямами от столбов значительно меньшего диаметра, входивших в конструкцию некой ограды, которую

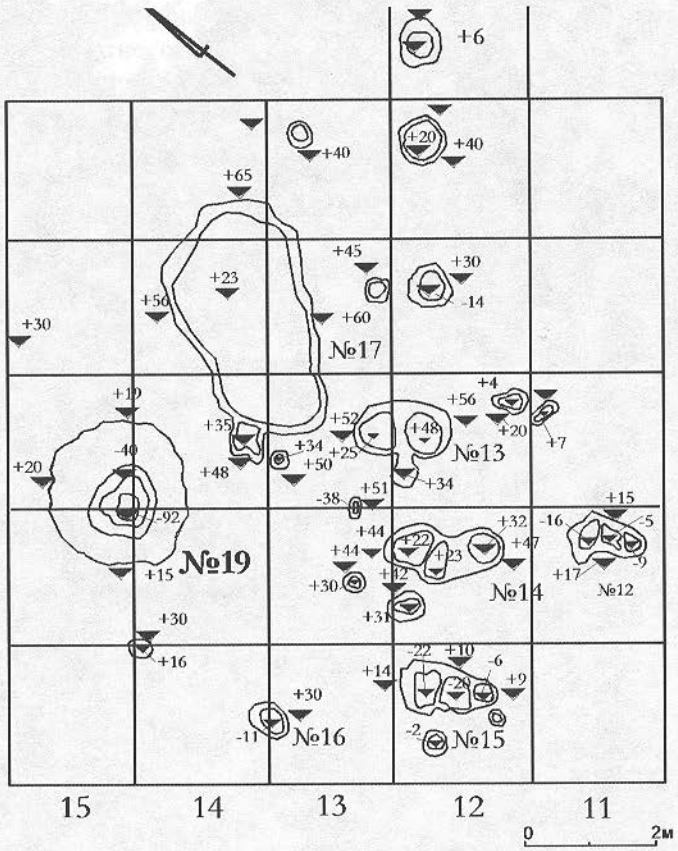


Рис. 3а. Тимеревское селище. 1975 г. Яма № 19.

И.В. Дубов без особых на то оснований представлял укреплениями древнейшей части поселения и которая вполне могла ограждать один из тимеревских дворов, ни с ямками от другого ограждения, видимо, плетня. Но при этом размеры столба свидетельствуют о том, что этот столб должен был испытывать сильную нагрузку – если только, конечно, не выдвигать абсолютно безосновательных в данном случае предположений о неконструктивном назначении столба – например,

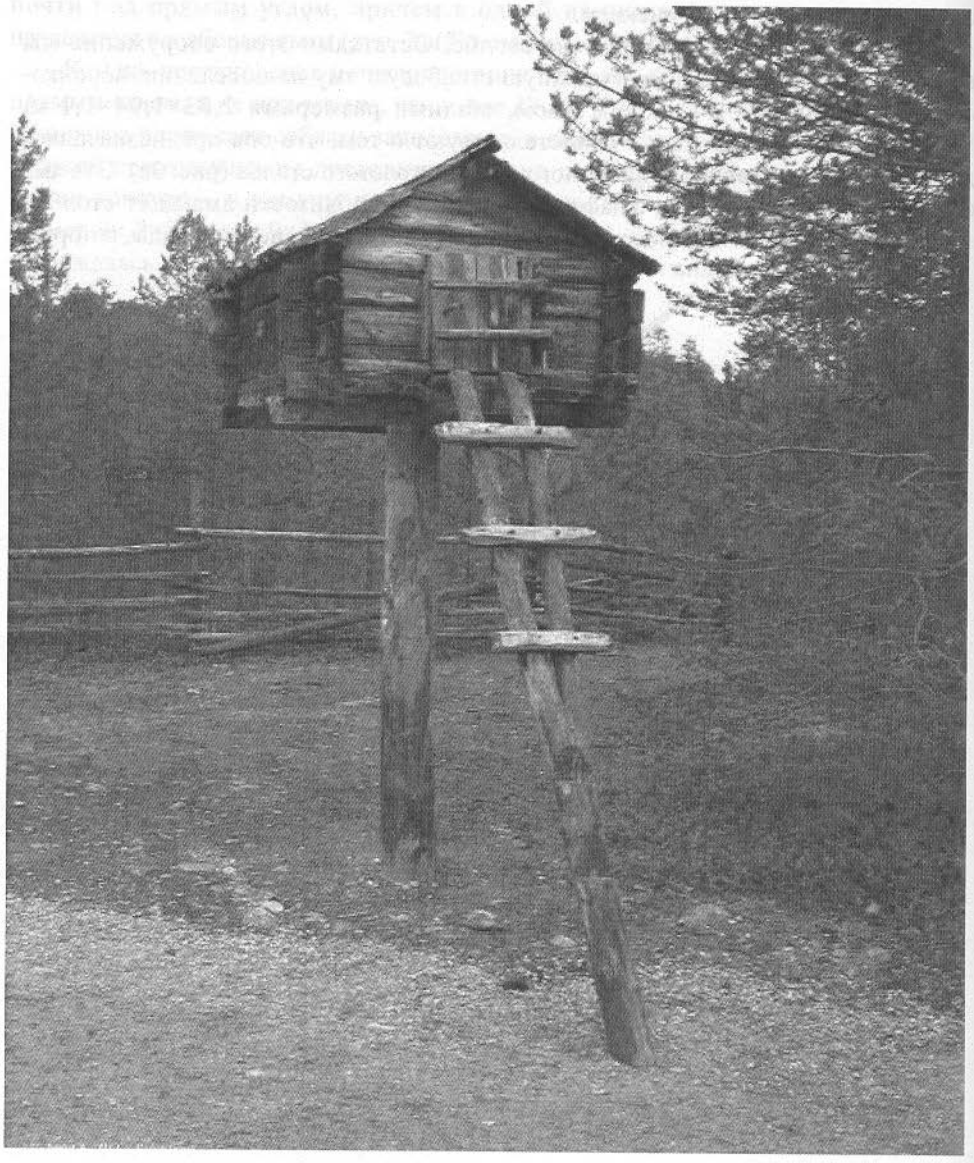


рис. 3б. Охотничий амбарчик на столбе.

языческий идол. И если так, то есть все основания вспомнить о хорошо известных этнографам сооружениях, а именно, амбарах на столбе (лабазах), которые, надо полагать, с глубокой древности ставили на охотничьих зимовьях и тропах для хранения добытой пушнины и припасов (рис. 3б) У финно-угров таежной зоны Восточной Европы и Западной Сибири (манси) амбарчики на столбе были и культовыми сооружениями, связанными с заупокойным культом. Следует отметить, что охотничьи амбарчики в лесу ставились непосредственно на срубленное на нужную высоту дерево, но могли возводиться и на окраинах поселений, обитатели которых активно занимались охотой. Насколько можно судить по этнографическим материалам, амбарчики были невелики по размерам, но столбы под ними могли быть столь же мощными, как тимеревский.

Впрочем, эта постройка на Тимеревском поселении вполне могла быть и более основательной, хотя и принадлежащей той же традиции сооружения миниатюрных охотничьих амбаров. В этом амбаре, например, вполне могли хранить не только пушнину, но и нечто более тяжелое, или все же пушнину, но в значительно больших объемах, чем в индивидуальных охотничьих хозяйствах. Появление столь основательных хранилищ на поселении, обитатели которого активно занимались охотой, вполне вероятно, особенно если признать селище остатками погоста.

Отметим, что этнографам известны амбарчики-лабазы не только на одном, но и на двух столбах (ох уж эти «избушки на курьих ножках!» – но это особый сюжет) – факт, небезынтересный, полагаем, для интерпретации материалов раскопок раннесредневековых поселений лесной зоны.

Такими представлялись нам в начале 1980-х годов и представляются до сих пор некоторые сооружения Тимеревского поселения. Попробуем разобраться, насколько убедительны возражения оппонентов.

Насколько можно понять из текста монографии Е.Н. Носова 1990 г., Евгений Николаевич, рассуждая о постройках Рюрикова городища и критикуя наши реконструкции построек Тимерева (кстати, мимоходом – в сносках к своему тексту), обнаружил некий «*поволховский тип домостроительства*», представленный в материалах раскопок Старой Ладоги, Рюрикова городища, городища Новые Дубовики и, конечно, Новгорода. Этот самый «поволховский тип домостроительства» – а правильнее было бы все же сказать «традиция домостроительства» якобы предполагает сосуществование жилищ исключительно срубной конструкции и хозяйственных сооружений – столбовой конструкции. Именно несоответствие предложенных реконструкций построек Тимерева – поселения, основанного выходцами с северо-запада, и вызвало столь резкую ответную реакцию (*Носов,* 1990. С. 110).

В этом контексте Е.Н. Носову нужно было объяснить и наличие на том же Рюриковом городище и на некоторых других исследованных памятниках разных регионов лесной зоны, в том числе и на Тимеревском селище, достаточно многочисленных ям, которые он интерпретировал как остатки хозяйственных сооружений, – и, соответственно, объяснить, почему эти ямы малочисленны в Ладоге и Новгороде. И объяснение было найдено: оказывается, все дело во влажности культурного слоя Ладоги и Новгорода, в котором органические остатки не перегнивали, быстро нарастающий, насыщенный влагой культурный

слой становился непригодным для устройства хозяйственных ям и углубленных построек (*Носов,* 1990. С. 114). Может быть, и так. Но – все же и в Ладоге, и в Новгороде ямы были, а если бы участки, выбранные под застройку, изначально были бы переувлажнены, использование этих ям стало бы невозможным, они просто наполнялись бы водой. Очевидно, вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд.

Начать с того, что Ладога, Новые Дубовики, Новгород и Рюриково городище – не «Поволховье», а только *несколько поселений* на Волхове, причем с единодушно признаваемым исследователями *особым статусом*. Какие, собственно, основания полагать, что жилища и усадьбы пусть даже рядовых ладожан или новгородцев, щеголявших в кожаных сапогах и мостивших улицы с X в., ничем принципиально не отличались от жилищ и усадеб «лапотников», которые вели совсем иной образ жизни? Да ровным счетом никаких, кроме самоуверенности. Наоборот, мы вправе скорее a priori полагать, что на сельских поселениях, в том числе и в Тимереве, с IX–X вв. возводили сооружения, мало похожие или совсем непохожие на застройку развивающихся городов. И при этом в некоторых случаях в культурном слое и от тех, и от других сохраняются весьма похожие по простейшим геометрическим контурам ямы: прямоугольные, «корытообразные», круглые, овальные и, конечно, столбовые.

Именно к такому выводу, проанализировав огромный этнографический материал по крестьянским постройкам лесной зоны Восточной Европы в соотнесении с известными ему археологическими источниками, пришел А.А. Шенников, констатировавший, что «постройки... начиная с простейших шалашей, несомненно, имелись не только в VIII–XIII вв. в крестьянских раменьях вокруг Новгорода, Белоозера и Ладоги, но и во всем восточно-славянском регионе с самого появления славян, т.е. с V–VI вв., и не только в лесной, но и в лесостепной зоне» (*Шенников,* 1997. С. 118). К этому можно только добавить напоминание о возможности появления «простейших» построек не только на «раменьях» – сезонных поселениях при отдаленных полях – но и, по тем или иным причинам, на сельских поселениях иного статуса. Собственно говоря, из этого вывода, представляющегося более обоснованным, чем чисто умозрительные рассуждения о «поволховском типе домостроительства», мы и исходили в реконструкциях построек Тимерева.

В дальнейшем становилось все более очевидно, что предположение о «поволховском типе домостроительства» противоречит не только результатам анализа письменных источников, характеризующих хозяйственный уклад и постройки населения Восточной Европы, но и собственно результатам археологического изучения сельских поселений Новгородской земли. К тому времени, когда Е.Н. Носов высказал это предположение, уже была опубликована небольшая, но весьма информативная и основательная работа Н.И. Платоновой, также обращавшейся к исследованиям А.А. Шенникова, о постройках селища Удрай. Селище, по заключению автора раскопок, представляло собой остатки малодворной деревни, периодически переносившейся с места на место по территории, контролируемой некой сельской общиной. Н.И. Платонова вполне правомерно предположила наличие на этом поселении срубных конструкций по

периметру неглубоких котлованов – однако воздержалась от суждений о высоте этих срубов и перекрытиях, ибо никаких исходных данных для таких выводов в материалах раскопок не было. Во всяком случае, однозначно представлять постройки Удрая как многовенечные высокие срубы «поволховского типа домостроительства» нет оснований (*Платонова,* 1985).

С течением времени стали появляться публикации материалов раскопок сельских поселений и в других регионах, весьма близких нашим реконструкциям построек Тимерева, что свидетельствует, по крайней мере, о движении мысли некоторых исследователей в том же направлении.

Уместно напомнить и о том, что реконструкции собственно ладожских построек IX–X вв. не столь бесспорны, как того хотелось бы многим исследователям. Например, относительно возможной высоты стен и конструктивного назначения столбов в «больших домах» Старой Ладоги высказывались различные предположения (*Спегальский,* 1972. С. 18–36; *Рябинин,* 2002. С. 15–30). Между тем этот самый «большой дом» со столбами внутри некой срубной конструкции обнаруживает несомненное сходство, не только с некоторыми сооружениями дьяковской культуры, как отмечал еще Ю.П. Спегальский (*Спегальский,* 1972. С. 22), но и, например, с постройками Роданова городища XII в. в Прикамье, реконструированными исследователями именно как «утепленные шалаши» с низкими срубными стенами и высокими двухскатными перекрытиями, опирающимися на столбы (*Талицкий,* 1951. С. 40–42). Вообще воссоздавать срубные постройки по сохранившимся нижним венцам можно только будучи априорно уверенным в принадлежности этих построек той или иной строительной традиции (высокие многовенечные избы, низкие срубы с примитивными перекрытиями разных конструкций, «утепленные шалаши»). Причем в этих разнотипных сооружениях обогревательные или отопительные устройства, остатки которых, как правило, сохраняются очень плохо, могли занимать различное положение, как центральное, так и угловое. Посему – какими именно были срубные постройки Старой Ладоги, представлявшиеся Е.Н. Носову эталоном «поволховского типа домостроительства», на самом деле понять вовсе не просто, если вообще возможно. Впрочем, подробный анализ этих проблем уведет нас слишком далеко от темы настоящей работы.

Достаточно признать, исходя из вышесказанного, этот самый «поволховский тип домостроительства» *понятием с ложным объемом и содержанием*. А стало быть, и давняя критика предложенных нами еще в начале 1980-х годов реконструкций построек Тимерева, основанная на утверждении реальности понятия с ложным объемом и содержанием, безосновательна.

В.А. Лапшин, усомнившись, в свою очередь, в правомерности наших реконструкций сооружений Тимеревского селища, приводит иные аргументы: «Столь архаичные временные постройки доживают до этнографической современности. Их можно представить где-нибудь в лесу как временное пристанище. Но на большом поселении со сложившейся планировкой это выглядит, на мой взгляд, недостаточно убедительно» (*Лапшин,* 2015. С. 141). Здесь речь идет уже не о «поволховском типе домостроительства», а о простом несоответствии наших реконструкций тому, *что должно быть,* в представлениях исследователя,

«на большом поселении со сложившейся планировкой». Едва ли такие рассуждения могут быть приняты всерьез. Просто потому, что размеры поселения и даже наличие сложившейся планировки вовсе не исключают сосуществования разных типов построек различного назначения, в т.ч. и таких, которые могут представляться весьма «архаичными». Например, если верить мусульманской традиции, столица Хазарского каганата Итиль (город не город, но, во всяком случае, несомненно, «большое поселение со сложившейся планировкой») был плотно застроен «кибитками» – стационарными юртами или утепленными шалашами с коническими кровлями, типичными для хозяйственного уклада оседающих кочевников. То есть жилищами уж никак не более презентабельными, если ориентироваться на этнографические материалы, сравнительно с нашими реконструкциями тимеревских построек. (*Флеров,* 2011. С. 90–95)

Тем не менее соотнесение тимеревских и гнездиловских комплексов вполне логично и, как нам представляется, позволяет сделать некоторые выводы. Однако при этом следует учитывать весьма существенные обстоятельства.

Хронологическая близость селищ Тимерево и Гнездилово сомнений не вызывает, равно и как отмечаемое В.А. Лапшиным сходство обоих памятников по степени сохранности остатков сооружений. И в том, и в другом случае в распаханном культурном слое и материке зафиксированы ямы различных размеров и конфигурации, расположение которых на планах исследованных участков отражает усадебную планировку поселений. На этом, собственно говоря, сходство и заканчивается: Тимерево и Гнездилово в исторической действительности существовали в разных ландшафтах, о тождестве хозяйственного уклада, происхождения и социальной структуры населения, определявших, несомненно, планировку застройки, достоверных данных нет.

Сходные по размерам и конфигурации ямы, как уже отмечалось выше, вполне могут представлять собой остатки совершенно различных по конструкции и назначению сооружений, следовательно, интерпретации этих комплексов, как и интерпретации остатков наземных срубных и столбовых построек, могут быть только сугубо гипотетическими – за редкими исключениями, которые только подтверждают правило. В Тимереве такие комплексы обнаруживаются, в Гнездилове же, как представляется – нет.

Ямы селища Гнездилово, о которых рассуждает В.А. Лапшин, вообще не обнаруживают, судя по приведенным планам, столь близкого сходства с тимеревскими, как это утверждает исследователь, кроме, пожалуй, одного комплекса с примыканием двух ям под прямым углом.

Исходя из вышесказанного, попробуем оценить степень достоверности рассуждений В.А. Лапшина. Исследователь полагает, что на селище Гнездилово открыты остатки наземных срубных построек двух типов:

В первом случае, по-видимому, имела место срубная конструкция с земляным полом, требующая наличия дренажных канав. Такие канавообразные ямы, помимо Гнездилово, известны в Старой Ладоге, на Рюриковом городище и в Тимереве, где они соответственно датируются второй половиной VIII, IX и X вв.

Во втором случае можно предполагать, что сруб был приподнят на стульях или подклете, пол, возможно, был деревянным и дополнительного осушения не

требовалось. Сохранившиеся от таких построек подпечные или припечные ямы известны в Суздале.

Первую строительную традицию можно предположительно связать с Северо-Западной Русью, возможно, с её финским населением. Для того чтобы связывать эту традицию со Скандинавией, данных нет. Появление второй строительной традиции можно связать с приходом нового населения после 1024 г. (*Лапшин,* 2015. С. 143). Характеристика второго типа сооружений представляется нам хотя и гипотетической, как любая реконструкция построек по археологическим остаткам, но вполне имеющей право на существование. Кстати, остатки одной такой постройки – небольшого квадратного в плане сруба, поставленного на четыре столба и с неглубоким подпольем, в котором вполне могли храниться, например, горшки с припасами, зафиксированы нами и среди построек Тимеревского селища (что, впрочем, также не убедило Е.Н. Носова).

А вот что касается устройства дренажей вокруг срубов – сомнительно. Во-первых, дренаж по определению должен иметь куда-то сток, в противном случае на долговременном поселении эта самая канава быстро заплывет и перестанет функционировать. Постройки разных конструкций с полами на уровне дневной поверхности или слегка пониженным уровнем пола (снятый дерн, до 0,25–0,3 м) широко распространены во времени и пространстве по всей территории лесной зоны Восточной Европы, однако дренажи вокруг этих сооружений, судя по публикациям, не практиковались. По одной простой причине: в тех местах, где повышенная влажность почвы делала проживание в постройках с пониженным уровнем пола некомфортным, люди просто не селились. Что касается конкретно Ладоги, то мы полагаем, что интерпретации материалов раскопок этого памятника во многом далеко не так бесспорны, как это представляется. В частности, необходимо конкретизировать представления о климате и ландшафте начального периода существования поселения.

Во-вторых, и в Гнездилове, и тем более в Тимереве в наличии дренажей вряд ли была необходимость: Тимеревское поселение расположено на хорошо дренированном пологом склоне.

В-третьих, наконец, канавы вокруг некой площадки, на которой исследователь предполагает наличие сооружения, вполне могут не иметь никакого конструктивного назначения. Поскольку, как известно, окапывание, как и опахивание, как и строительство любых ограждений и укреплений – от плетней до крепостных стен – устанавливало не только естественные преграды для передвижений врагов, злоумышленников и диких животных, но и сакральные границы освоенной территории. Такие меры вполне могли предприниматься и частью обитателей поселения Гнездилово – это недоказуемо, но вовсе не лишено вероятности.

Правда, какое бы назначение не имели зафиксированные при раскопках канавы на поселении Гнездилово, это никак не приближает нас к достоверным представлениям о тех сооружениях, которые стояли на площадках, ограниченных этими канавами и, скорее всего, действительно имели земляной пол. Что это было: многовенечные срубы? утепленные прямоугольные шалаши? а почему, собственно, не просто конические шалаши? На сей счет в материалах раскопок В.А. Лапшина

просто нет и не могло быть никаких данных по вполне объективным причинам.

Однако из всего вышесказанного вовсе не следует, что мы полностью отрицаем предположения В.А. Лапшина о неких изменениях в домостроительстве Гнездилова в первой четверти XI в., связанных с «уставлением» Суздальской земли Ярославом Мудрым (или, скорее, с предшествующим таковому голодом и мятежом) и возможным притоком нового населения или, во всяком случае, какими-то перепланировками застройки. Более того, это предположение представляется весьма правдоподобным. Приводимые В.А. Лапшиным датировки комплексов в этом контексте вполне убедительны. Просто отражение реалий исторической действительности в археологическом памятнике может быть и не столь однозначным; как нам того бы хотелось, слишком многое останется навсегда вне поля зрения исследователей.

Тимеревско-гнездиловский сюжет в общем контексте проблем становления культуры сельского населения Волго-Окского междуречья в IX–X вв. достаточно заметен и значим, несмотря на то, что каждый сезон приносит новые материалы по этой сложной теме. Значим, прежде всего, потому, что эти новые материалы, как и материалы уже давно завершенных раскопок Тимерева и Гнездилова, содержат не только и, может быть, даже не столько ответы на вопросы, давно занимающие исследователей, сколько новые и порой неожиданные вопросы.

Литература

Лапшин В.А., 2015. Две группы построек селища Гнездилово-2 под Суздалем // АВСЗ. Вып. 5. С. 141–146.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Платонова Н.И., 1985. Новые исследования древнерусских поселений в Новгородской земле (к вопросу о сельском домостроительстве) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С. 65–70.

Рябинин Е.А., 2002. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

Спегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука.

Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 3. (МИА. № 22). М.; Л.

Томсинский С.В., 1982а. О двух типах построек Тимеревского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука.1982. С. 118–123.

Томсинский С.В., 1982б. Постройки Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука. С. 188–191.

Флеров В.С., 2011. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.

Шенников А.А., 1997. Гороховецкие зимницы. СПб.

Summary

S.V. Tomsinsky

ONCE AGAIN ABOUT THE CONSTRUCTIONS OF THE SETTLEMENTS OF TIMEREVO AND GNEZDILOVO AND «POVOLKHOVSKY TYPE OF A HOUSE BUILDING»

The author returns in the article to the interpretation of the results of the excavation on the Timerevsky settlement in the 70th of the 20th century. Comparing them to the results of the excavation of the settlement of Gnezdilovo near Suzdal, recently published by V. A. Lapshin, once again he suggests to examine previously published reconstruction discovered during the excavations of the complexes.

The offered interpretation of structures («barns on a column», «choom like dwellings», «constructions with vestibule-corridor»), despite argumentativeness, according to the author, is quite right to exist.